

— Как вы пришли в журналистику? С чего началось ваше увлечение этой профессией?

— Я не могу сказать — я такой-то момент, в такой-то день я решил стать журналистом. Школьником — во время войны и в первые годы после нее — зачитывался очерками и статьями Симонова, Эренбурга, Полевого, других наших писателей, работавших тогда в газетах. Ждал их с нетерпением, ворошил подшивки газет в библиотеке.

Было еще увлечение театром. Не профессией актера и режиссера, а театром вообще. В своем родном Пятигорске я даже поступил в театр на работу. Был рабочим сцены, помощником осветителя. Потом меня — восьмиклассника — стали выпускать на сцену произнести «кушать подано»: мужчин тогда не хватало. Но все-таки увлечение журналистикой пересилило.

В Институте международных отношений, куда я поступил, не было еще факультета журналистики. Но была у нас прекрасная стенная газета «Международник». В «Международнике» в те времена сотрудничали Валентин Зорин, Мэлор Стурва, Олег Игнатьев, многие другие ныне известные журналисты.

После окончания института я пошел работать в международный отдел журнала «Огонек». А правильнее сказать — пошел учиться дальше. Принимал меня на работу и доверил мне первую самостоятельную командировку — Борис Сергеевич Бурков, которому я очень обязан как журналист. В штате «Огонька» было много известных

гестапо в Марселе, ответственным за уничтожение тысяч французских патриотов. В Испании разговаривал с гитлеровским диверсантом Отто Скорцени...

Но с друзьями встреч было, конечно, больше. Никогда не забуду беседу с Сальвадором Альенде. Во время разговора он показал мне книгу французского политического деятеля с дарственной надписью. После фашистского переворота я встретился с испанским журналистом, только что приехавшим из Чили. И, представьте, он показал мне ту самую книгу, но уже обожженную, со следом солдатского сапога. Его с группой журналистов водили в дом президента Альенде, и в разгромленной библиотеке он, улучив момент, спрятал именно эту книгу. Случайно. Но для меня она стала символом всего того, что произошло в Чили.

Встречи разные, и дело тут, конечно, не в том, чтобы коллекционировать их. Но всегда важно уловить характер человека, увидеть, как он проявляется, особенно в экстремальной ситуации.

— Генрих Авизерович, нам знакома ваша повесть «Интервью в Буэнос-Айресе», за которую вы получили звание лауреата Государственной премии СССР. Не мешает ли драматургия журналистике, а журналистика драматургии?

— Наверное, давнее увлечение все-таки привело меня сегодня в театр. И я очень рад этому, хотя понимаю, что быть драматургом и одновременно за-

Воскресные ВСТРЕЧИ МК

Сегодня у нас в гостях известный журналист-международник, писатель, драматург, лауреат премии имени Воровского, лауреат Государственной премии СССР, член Советского комитета солидарности с народом Чили Генрих БОРОВИК.

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

журналистов и литераторов. Почти все они пережили войну корреспондентами, и их опыт, их мастерство были для меня неоценимыми. Алексей Сурков, Борис Полевой, Анатолий Софронов, Мартын Мерджанов, Евгений Рябчиков, Карл Непомнящий, Дмитрий Бальтерманц — вот всего несколько имен людей, рядом с которыми мне посчастливилось начинать свою журналистскую жизнь.

Поездок было много. В Индонезии во время мятежа против президента Сукарно мне удалось получить разрешение сопровождать передовую роту войск, подавлявших мятеж на острове Суматра — мое первое боевое крещение. На всю жизнь запомнил свою первую поездку на Кубу — вскоре после победы революции. Творческий результат этой поездки для меня был очень важен: большая серия очерков, книга «Повесть о зеленой ящерице» и сценарий документального фильма «Пылающий остров», над которым мы работали вместе с Романом Карменом. Но главное было — увидеть страну в первые дни после свержения диктатуры.

Почти восемь лет я работал зав. корпунктом АПН и «Литературной газеты» в США. Частично об этой работе написал в книгах «Один год неспокойного солнца» и «Ваш специальный корреспондент встретился...».

— Во время этих поездок, наверное, вам приходилось встречаться с самыми разными людьми...

— Встреч много. В молодые годы не всегда сознавал, что встречи с некоторыми людьми — это ведь как прикосновение к истории. А история сложна, и судьбы людей неожиданны. Иногда думал: все еще впереди, с этим человеком я еще не раз встречу. До сих пор в сердце тоска — вот недоговорил, недопросил тогда. А теперь поздно. Нескольким раз встречался с Че Геварой, все как-то на коротке — он всегда спешил, и мы договаривались, что «добеседуем» в следующий раз. Все что-то мешало, снова откладывали подробный долгий разговор. Ну, а потом я уже опоздал навсегда — его не стало. У меня есть его фотографии, записан разговор с ним, но болит сердце, что не поговорил с ним больше. Тогда не представлял себе всего масштаба этой личности.

Встреча с Хемингуэем... Я, тогда еще молодой журналист, мечтал об интервью с ним на пять—десять минут, а он пригласил меня порыбачить. Рыбачили целый день вдвоем на его шхуне в Карибском море. С ним было легко разговаривать. Он понимал мое волнение и сделал все, чтобы я почувствовал себя просто. Учил меня тащить спиннингом «большую рыбу», шутил. Мы поймали в тот день только одного тунца килограммов на десять (все уговаривал меня взять себе половину: «Это же наша общая добыча, Генри, пополам!»), рыба не мешала разговору. Он получился долгим, дружеским, откровенным. Хемингуэй рассказывал, как работает, как собирает материал, как пишет. Рассказывал о веселом и грустном. Очень интересовался нашей жизнью, расспрашивал о писателях, которых читал, очень тепло говорил о Романе Кармене (они были друзьями по испанской войне). О Константине Симонове, с которым переписывался, о Михаиле Кольцове. Ему давно хотелось побывать в Советском Союзе, но все откладывал и откладывал — мешала работа...

Были, конечно, и встречи, так сказать, совсем иного характера. Например, трехчасовая беседа с Керенским Александром Федоровичем. Да, тем самым. Он был уже совсем стар. Тот же ежик на голове, но сама голова будто провалилась в туловище. Тогда, в 1967 году, Керенского уже давно никто не воспринимал всерьез — ни как человека, ни как бывшего политика...

Встреча с активным врагом действует на тебя, как холодный душ. Если ты видишь ненависть к себе, то она тебя как-то очищает, чувствуешь свою силу...

В Чили, например, я встречался с Вальтером Рауфом — бывшим нацистом, изобретателем душегубок. В Боливии — с Альтманом, начальником

ниматься журналистикой почти невозможно. Но ведь все-таки — по ч т и л... Вот и борются во мне два этих начала. То одно одолевает, то — другое. Драматургия дает мне возможность показать человека более крупно, в непосредственном самовыражении, чего не удается сделать ни в очерке, ни в репортаже...

— Вы один из немногих драматургов, которые обращаются к международной тематике, к политическим проблемам. Каково значение этих проблем для театра?

— Международная тема имеет славные традиции в советском театре. Вспомните «Салют, Испания!» Афиногенова, «Русский вопрос» Симонова, «Заговор обреченных» Вирты, пьесы Софронова, Мдивани, Чичкова. В нынешний век, особенно в его последней четверти, политику все трудней оторвать от того, что мы называем «личной жизнью человека». Сколько людей своим «личным делом» считают, например, события в Никарагуа или в Чили. Я уж не говорю о самих никарагуанцах, самих чилийцах. Там для них «политика» — это вопрос жизни или смерти. Политика и семейные отношения, политика и любовь, политика и нравственность — все переплетено в наше время столь плотно, что оторвать друг от друга просто невозможно. Разве проблема войны и мира не личная проблема каждого человека?! В этом смысле советский зритель — благодарный зритель. Чувство интернационализма присуще ему, как ни одному зрителю в мире.

Но мои пьесы — это не разговор о политических вопросах. В каждой из них для меня важна прежде всего моральная проблема, исследуемая в тех или иных политических условиях. Условно эти часто бывают критическими — мне приходилось наблюдать их множество раз — и люди в них проявляются наиболее полно, наиболее вышло, иногда совершенно меняя свой взгляд на жизнь, начинают сознавать ответственность за то, что происходит, принимают неожиданные решения...

Некоторые критики считают, если писатель описывает, как пахнут гвоздики в поле, — это «для вечности», если же он написал (на том же уровне мастерства) о красных гвоздиках португальской революции, то это «отклик на горячие события», это — «репортаж».

Устоявшийся стереотип критического мышления, который, к счастью, разбирается самым верным мерилom — зрительским и читательским интересом.

— Расскажите о ваших творческих планах.

— Заканчиваю сценарий двухсерийной картины для студии «Мосфильм». Сам сценарий должен быть опубликован в ближайший месяц в журнале «Смена». Действие происходит в одной из небольших стран Запада, на острове. Шестеро журналистов попадают в ситуацию, требующую от них высшего проявления их человеческих и профессиональных качеств. Я хорошо знаю журналистов, и меня давно интересует проблема понимания людьми этой профессии всей меры ответственности, которую они несут перед миром.

В нынешнем году мне хотелось бы закончить пьесу, над которой я работаю уже много лет. По жанру это, как ни странно, сатирическая комедия-буфф, а по теме — очень серьезный (на мой взгляд, по крайней мере) разговор о том, куда идет человек. Называется пьеса «Агент 00».

Ну, а из журналистских планов, в ближайшие дни — поездка в Никарагуа. Там сейчас «горячая точка».

— Чем вы занимаетесь в свободное время?

— Тем же, чем и в несвободное. Читаю, пишу, езжу. Свободного времени, честно говоря, просто нет. Ну, а если выпадает «свобода», то стараюсь посвятить ее семье. У меня двое взрослых детей и внук, которому два с половиной года.